

Дмитрий Савицкий

Фисташки

Рассказы

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Савицкий
Фисташки. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Савицкий Д. Ф.

Фисташки. Сборник рассказов / Д. Ф. Савицкий — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Фисташки - это короткие истории. Они читаются также легко, как щелкаются орешки. Автор - историк, и в обычных или не совсем обычных историях пытается увидеть широкий, общечеловеческий смысл. А вообще жизнь прекрасна уже самим своим наличием. И незачем нудить и сгущать краски, да и мальчики с волшебными палочками автору как-то не встречались. Волшебство - это мы сами, наши друзья и наша жизнь! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Хулиганы Мурманска.	6
Обычный день Митиньки. Или начало большого пути.	6
Хулиганы и «хулиганы»	15
Лысков и море	19
Лысков и «медак»	27
Лизанька	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Фисташки.

Рассказы

Все, что изложено ниже – не вымышленно.

Фамилии, наименования мест – не придуманы.

Многие описываемые действия и сопровождающая

Их лексика выпрямлены для возможности быть

Напечатанными.

Часть 1. Хулиганы Мурманска.

Обычный день Митиньки. Или начало большого пути.

Под землей шевелятся черви.
Над землей произрастают цветы.
И я тебя спрашиваю:
– А, где ты?
Посвящается Максиму Соколову.
Д.Савицкий.

Мой друг Митинька (далее, иногда, Дима-моряк) имел привычку после уроков в школе и до прихода домой покупать на остановке троллейбуса пр. Героев-Североморцев две-три свежих газеты в киоске «Союзпечать». И если я вместе с ним заходил к нему домой, то он просил его извинить, а сам не снимая ботинок, ложился на диван, и 3-4 минуты посвящал изучению газетных передовиц.

Вы помните или хотя бы представляете себе содержание статей на первой полосе основных советских газет типа «Правда» или «Известия», нет?! Ну, не скажу, что мне жаль, что вы не сохраняете в уме или в сердце тезисы какого-нибудь очередного пленума ЦК КПСС, которые с 100% гарантией радовали читателя уже достигнутыми или будущими еще более громкими победами в деле дальнейшего строительства развитого социализма.

Но Митя неуклонно, из года в год (а я был и его соседом и его одноклассником и помню это и в 5 и в 7 и в 9 классе) читал после школы не последние страницы газет, где можно было хоть что-то найти интересное для среднестатистического «пацана», а первые.

И я до сих пор не знаю, что это было: понты на публике, пионерский психоз или информационная заинтересованность передового советского мальчика.

И в тот обычный, заурядный, один из тысяч день, о котором я хочу рассказать, Митинька, по приходу домой, очень деликатно, как обычно, извинился передо мной за свою невежливость, бросился на диван и начал деловито и внимательно разбирать свою прессу.

И здесь, я рекомендую, представить себе мальчика с круглым животиком, пухлыми щечками и красными губками, светлыми глазками и светло-русыми курчавыми волосиками на голове.

Так выглядел Митинька.

Но более предприимчивого, наглого, трусливого, храброго, циничного, сердечного, хитрого и бесхитросного в одно и то же время человека, я никогда больше не встречал на пути моей не скудной на разных людей жизни.

С него можно было писать портрет мальчиша-плохиша, но только в соединении с мальчишом-кибальчишом!

Я сел на стул напротив и задумался.

Конечно, сегодня Митя где-то прав. Нужно было взять паузу, тайм аут – как принято говорить в спорте, и немного передохнуть, ибо не прошло еще и часа, как мы бежали по крыше родной школы, спасаясь от преследования.

А дело было так:

Я, Максим Соколов (далее, почти всегда, Макс) и Митинька, посчитали личным оскорблением видвинутые местным ГОРОНО требования по проведению в нашей школе годовой контрольной по физике.

Дима-моряк предложил скрыться от возможного детского насилия.

У меня всегда с собой была большая связка разных ключей, которой я отмыкал все и везде. У Макса – маленький ломик, типа «фомки», который он тоже всегда имел при себе, а Митинька был богат своим воображением и именно он предложил нам переждать эти 45 минут на чердаке школы, где нам никто бы не помешал.

Я своими ключами открыл висячий замок, а Макс своим ломиком помог вскрыть люк, на котором он висел, и мы, таким образом, по железной лестнице проникли на чердак.

Первоначальный план тихой «отсидки» на время контрольной был бы, скорее всего, завершен с блестящими результатами, если б Митиньке не пришлось в голову вытащить на самую крышу, найденные на чердаке, старые железные койки и погреться на уже теплом весеннем солнышке.

Стоял май, солнце припекало не на шутку и мы, раздевшись, шикарно развалились на этих койках.

Крыша средней общеобразовательной школы №3 – с небольшим уклоном, и нам было очень удобно, лежа, наблюдать за интенсивным автомобильным движением по близлежащему и единственному в том месте проспекту, который был, как на ладони.

Но и мы, как выяснилось позже, тоже были прекрасно различимы с дороги.

И пока, мы, в полудреме, рассуждали на извечную тему мальчишек тех лет, что лучше: автомобили «Москвич» или «Жигули», которые проносились перед нами в разных направлениях. Кто-то (личность не была установлена), проезжая на одном из этих автомобилей, а может и на автобусе или троллейбусе, поспешил позвонить в городской отдел народного образования. Те – нашему директору и сообщить о трех его учениках, которые хоть и находятся в расположении школы во время учебного процесса, но присутствуют в ней не на уроке, а лежа в кроватках на крыше, голыми, с сигаретами в зубах.

Был послан отряд учителей нас «обезвредить».

Митинька первый услышал его приближение, так как чердак был завален всякой «дребеденью» и наши враги в темноте стали на нее наткаться. Мы успели даже одеться и спуститься с крыши на чердак, надеясь там затаиться, но были сразу же обнаружены.

Мы, все трое, рассыпались в полумраке, ища путь к спасению, но его нашел только Митинька.

– Уходим по крышам, – диким голосом прокричал он в гулкой чердачной акустике, не уступающей лучшим театрам мира и, выскочив, действительно, на крышу, метнулся к наружной пожарной лестнице.

Мы с Максом были схвачены преследователями и избиты.

Далее, вместе с ними мы вылезли на крышу, понимая, что Митиньке деваться некуда, так как школьная пожарная лестница, как, почему-то, и большинство других пожарных лестниц, кончалась на огромном расстоянии от земли, и спрыгнуть с нее обычному человеку, если он не служил в ВДВ, не представлялось возможным.

И что же?!

Мы все подошли к краю крыши и посмотрели вниз.

На лестнице никого не было.

И лишь вдали между домами мелькнул и исчез знакомый нам с Максом кудрявый силуэт.

– Ушел, – голосом полицейского жандарма из царской «охранки» констатировал учитель НВП, а в прошлом – прапорщик Советской Армии Ципко.

Нас с Максом спустили вниз и пригласили зайти к завучу, где нам, конечно, досталось, особенно Макс, так как завуч была его мамой, но кто был третий нарушитель учебного процесса – нас даже не спросили.

Знали – не выдадим.

Просмотрев, как обычно он это делал, свои газетные передовицы, Митинька напоил меня чаем, переоделся и мы вышли вон из его дома, спеша на соединение с нашими друзьями в условленном месте.

У ресторана «Панорама» нас с Митинькой ждал Макс.

Но несколько слов о Максиме Соколове:

Его любила вся школа и вся улица, и весь Мурманск, кто его знал.

И не за «что-то там», а за то, что он есть!

На него просто смотреть и то было приятно: высокий брюнет, немного не складный, но почему-то невероятно эстетичный во всех своих движениях. Чистое, открытое и красивое лицо. Очень образован, начитан, круглый отличник из интеллигентнейшей семьи, но пропл...нь и выпл...нь такой, что и найти-то трудно и с кем-либо сравнить, даже если подробнейшим образом изучить всемирную историю и литературу.

Я его любил.

Он поздравил Митю с чудесным избавлением от недавних преследователей, и мы двинулись на соединение с четвертым членом нашей группы.

Это был Толя Гиль.

Анатолий Гиль!

О нем можно написать отдельный роман, что, может быть, я когда-нибудь и сделаю, а сейчас скажу, что он был УМ, ЧЕСТЬ и СОВЕСТЬ нашей школы. И порой ребята так и спрашивали, где, мол, ум, честь и совесть?

Он был отличник; и не просто отличник, отличающийся своими отличными оценками, а он был отличен (и это главное!) в манере их приобретения.

К примеру: он почти никогда не делал домашних заданий, т.е. в своем традиционном, письменном виде и изучал все виды математики и физики по университетским учебникам. Не редкостью было, когда на уроке, он мог подсказать учителю другое, более простое или более оригинальное решение какой-нибудь задачи и учителя, зная об этом (и чтобы не попасть впро-сак), сами предлагали ему «пофантазировать». Литература и иностранный язык, история и география – все он знал на порядок обширней, нежели требования школьной программы.

Он приходил в школу, когда решал, что «на этом предмете надо поприсутствовать» и уходил, когда ему было это необходимо, сообразуясь со своими, мало кому понятными делами.

В старших классах постоянно собирали всех после уроков на многочисленные собрания, обсуждения, какие-то комсомольские активы и присутствие всех было обязательно, но Толя уже стоял в дверях и на вопрос классного руководителя: «Анатолий, Вы куда?! У нас сейчас собрание!» Он неизменно отвечал фразой из знаменитого фильма: ««Схорониться» мне надо», – и уходил.

Другого ученика за такую наглость – наказали бы. Впереди был выпуск, экзамены, характеристики, а все хотели куда-либо поступать учиться дальше и поэтому «прогибались» под учителей, но Толя Гиль никого не боялся, ему все прощалось, и он это знал.

Просто он был гений мозга.

Его портрет висел на стене в школе наряду с другими портретами.

Там были, понятное дело, Маркс с Энгельсом, а также: Толстой, Гоголь, Пушкин и другие знаменитости, но только в Толин портрет плевали, проходя мимо, бумагой из трубочек, видимо, завистливые ученики, а также – кому не лень. И Толяну однажды, под нашим прикрытием, ночью, оставив еще днем незапертым одно из окон на первом этаже, пришлось пробраться в школу, и свой портрет – выкрасть.

Замечательна была и внешность Толи.

Это не был худенький мальчик «со взором горящим».

Это был мужик – мужиком.

И кто его не знал, думал, что это, возможно, сантехник ближайшего жека, только очень молодой. Среднего роста, очень крепкого «квадратного» сложения, глаза маленькие, узкий лоб, нос картошкой – вот его краткое портретное описание. А если бы он выезжал тогда за рубеж, то в пятой графе его характеристики написали бы: национальность – белорус.

Курил Гиль, в основном, папиросы «беломор» или трубку с крепчайшим табаком. И, когда мы заходили к нему, а жил он на горе выше нашей школы в старом одноэтажном деревянном доме, причем, один (его мама приходила к нему пару раз в неделю, готовила ему еду на несколько дней и уходила), то неизменно наблюдали следующую картину:

Анатолий Гиль сидел за письменным столом с беломориной в зубах, с красной рожей и воспаленными глазами; весь в облаках табачного дыма, обложенный горой книг, учебников и справочников.

Рядом стоял бидон из-под молока (знаете, такой огромный, на несколько ведер), но в нем было не молоко, а брага, которая распространяла кругом невероятную, гадливо-сладкую вонь; сверху плавал ковш и Толя, время от времени, черпал им из бидона и пил. А неподалеку на четырех ножках располагался проигрыватель и, как правило, играла любимая пластинка Толика, где чешский «соловей» Карелл Гот со страшным чешским акцентом пел русскую песню: «маленький синий платочек падаль з опьюциных плечь, ты кофорыла...».

Как Вам мальчик в 15 лет, а?!

Картина была, как говорится, «маслом». По-другому и не скажешь.

Кроме того, Толяну, были не чужды и выходы с нашей компанией в «свет», сопряженные со всеми видами «хулиганки», статья 206 уголовного кодекса, часть 1-2-ая.

Кстати, лично я, наблюдался по этой статье и стоял на учете в детской комнате милиции вплоть до поступления мною в пединститут.

Итак, я, Дима-моряк и Макс зашли за Гилем и, таким образом, – «банда» была в сборе.

Краткое описание наших действий в тот день:

Да, забыл добавить пару слов о себе: папа – комиссар на параходе, мама – учительница музыки. Среднего роста. Очень красив, но не мужской, а больше женской мягкой красотой так, что в раннем детстве, порой, принимали за девчонку.

От Толиного дома мы спустились вниз и оказались перед дверями нашей школы.

Мы с Максом остались недовольны утренним насилием над нами.

Я предложил зайти внутрь, а Макс уточнил:

– К НВП-шнику в кабинет, гад оборзел, – добавил он, – много себе позволяет.

Был уже вечер и школа была закрыта, но это не являлось преградой для связки моих ключей и мы проникли в школу, а затем и в класс начальной военной подготовки, где вскрыли сейф с мелкокалиберными винтовками, которые только недавно появились в школе. Были там и патроны, и мы разбрелись по школе, стреляя во все, что приглянется.

Но неодушевленные предметы скоро наскучили нам, особенно Макс, и он открыл окно на улицу.

Рядом были жилые дома, и Максимилиан решил там искать себе цель.

Он нашел ее в лице двух мужичков, один из которых по пояс, высунувшись из форточки, спускал на веревке пустой трехлитровый бидон товарищу, ждущему внизу. По соседству располагался пивбар и их действия были нам понятны.

Убежденный борец с пьянством, Макс, произвел по ним несколько прицельных выстрелов из своей винтовки.

Результатом явилось бегство одного и трусливое, и удивленное выглядывание из-за занавески другого, видимо, не могущего взять в толк: кто и когда открыл военные действия на их с утра еще тихой (не считая, наверное, его жены) улице.

Настрелявшись вдоволь, мы закрыли ружья в сейф (замечу сразу, что чужого – мы никогда не брали), закрыли кабинет и школу, т.е. – как было, и пошли по дорожке дальше.

А дальше располагалась воинская часть и Макс, закуривая, обратил внимание на большой стог сена за забором этой, кажется пограничной, части.

– Они что, лошадь тут держат? – задался он вопросом, и бросил за забор все еще заженную спичку, от которой прикуривал, надеясь, как видно, увидеть спасающуюся из пожара кобылу.

Сено вспыхнуло мгновенно, и не успели мы сделать и десяти шагов, как увидели не лошадь, а как с карабинами наперевес, с матами и прочими неясными до конца угрозами, за нами ринулось с десятков солдат. Тут уж было не до утренних школьных «шуток». Здесь, конкретно, надо было бежать, побивая все спринтерские юниорские рекорды по этому виду спорта, а может, даже, замахиваясь и на взрослые.

Мы ожесточенно ринулись вниз с горы, инстинктивно чувствуя, что оглядываться – нельзя, тормозить – нельзя, а думать лучше после.

Сзади слышался тяжелый топот солдатских сапог и хриплое дыхание.

Мы поднажали еще.

Впереди бежал Анатолий Гиль.

Он очень быстро бежал.

Но стиль его бега был тяжел и грузен. Он, по «медвежьи», переваливался с ноги на ногу, вжимая голову в плечи и смотрел, строго, перед собой.

Следующим «шел» Митинька.

Двигался он скачкообразно, то обгоняя Гиля, то начиная отставать, то вдаваясь в рискованные обходные маневры.

Третим «летел» Макс.

Его великолепные длинные ноги (я их сравнивал с размахом крыльев у альбатроса) служили двойную службу, как рога у оленя: и хорошую и плохую.

С одной стороны, Макс бежал быстро, с силой выбрасывая свои сильные ноги вперед и делая один шаг там, где я делал два. С другой стороны, они часто у него заплетались друг за дружку, и он падал навзничь на всей скорости. И сейчас, он раз или два рухнул, как подкошенный, в лужи и грязь, а мы бежали – не выбирая дороги.

Последним бежал я.

И за моей спиной уже слышалось дыхание врагов.

Вообще-то я был перворазрядником по конькам и мог «обставить» всех участников забега. Но крайняя степень моей смешливости, порожденная, по всей видимости, богатым воображением, мешала мне, и я «плелся» в конце первой группы бегущих, безусловно рискуя здоровьем и своим возможно прекрасным будущим. Я видел (и так всегда) все действие, как бы со стороны, и внутренний хохот сковывал мои движения.

И только внизу, выбежав на железнодорожные пути, мы увидели, что преследователи отстали; и мы смогли перевести дух и уже все вместе немножко «поржать» над этим происшествием.

Одному Максиму было не до смеха.

Он в этот день первый раз одел великолепную, видимо привезенную его батей из «загранки», фирменную куртку, типа «Монтана», а его падения превратили ее в грязную тряпку.

Макс чертыхался и матерился, пытаясь руками отчистить грязь от замечательной своей «шмотки». А мы все, тем не менее, продвигаясь по шпалам вперед, подошли к какой-то железнодорожной сторожке и заглянули через окошко внутрь, чтобы, быть может, попросить напиток.

Более миролюбивой картины и представить себе было не возможно:

У окошка стоял маленький столик. На нем – дымящийся самовар. А по обе стороны стола и самовара, два пожилых усатых железнодорожника в форменных курточках с молоточками в петлицах, пили чай из блюдец, старательно в них дуя.

На фоне своего горя Макс не смог вынести такой «идилии» и размахнувшись, ударил ногой прямо по центру окна, в крестовину.

У Макса – 45 размер обуви и нога его по колено, вместе со стеклом и рамой, как по маслу, вошла в ветхую сторожку, опрокинув все располагающиеся внутри предметы и лица.

И опять первым, и, как обычно, с самым серьезным выражением лица, бежал Анатолий Гиль. Вторым – Митинька. Третим все еще злой, но уже немного подобревший Макс. А я, как обычно, прикрывал отход группы.

Все было, как и четверть часа назад. Сменились только преследователи.

И на смену сердитым солдатам, пришли разъяренные железнодорожники. А в руках у них были не самозарядные карабины Симонова, а путейские молотки.

Но тут дело могло кончиться совсем плохо, т.к. впереди показалась высокая железнодорожная платформа, а с двух сторон наш возможный маневр блокировали длинные грузовые составы.

Преследователи были уже совсем близко; и нам пришлось лезть под вагон в тот момент, когда он, заскрипев всеми своими железными частями, стал медленно двигаться.

Прошло много времени с тех пор, но я, как сейчас, помню огромное металлическое колесо, которое в каком-то страшном замедлении катилось на меня, а я стоял под вагоном на «четвереньках» и неотрывно смотрел на него.

Как выбрался я из-под вагона – не помню! Кажется, Макс за воротник меня выхватил.

Таким образом, наша компания оказалась на Мурманском железнодорожном вокзале.

Кто-то, кажется Толя Гиль, предложил посетить туалет.

И тут мы столкнулись с небольшим препятствием в виде недовольной толпы.

Оказалось, что мужской туалет был закрыт на ремонт, а пускали в один – женский, но по очереди: то женщин, то мужчин.

Руководила порядком на впуске-выпуске «швабра» (местная уборщица). Мы дождались мужской очереди и все вместе зашли в уборную. Пока Толян справлял свою нужду, я, от нечего делать, осмотрел просторное это помещение и увидел дверь. Не имея злого умысла, а лишь по энергии все открывать своими ключами, я вскрыл ее и заглянул внутрь. Это была обычная кладовка с ведрами, метлами, тряпками и швабрами.

Я хотел ее уже закрыть, но Митинька не дал. Он, заметив, что уже последний мужик, сделав свои «дела», покидает уборную скомандовал: «Все сюда! Хоронись!» – и мы все: Макс, Гиль, Дима-моряк и я спрятались в этой кладовке, закрыв в нее дверь.

Через пару минут стали запускать женщин.

Вот серьезно: я ничего не находил интересного в подглядывании за оправлявшимися тетями и стоял в стороне, насколько это было возможно в тесном помещении и наслаждался только опасностью ситуации.

Макс тоже, только раз глянул в широкую, под большой ключ, замочную скважину, позволявшую уверенно, с хорошей обзорностью, подглядывать из каморки, но криво усмехнувшись, оставил это занятие.

Но вот Митинька с Толей Гилем сразу же поссорились за право первоочередного наблюдения. Они толкались и громко ругались. Затем, за время мужской очереди посещения туалета, им все-таки удалось договориться, положив подглядывать строго по одной минуте на каждого.

Вновь запустили женщин и Дима-моряк, которому первому выпала очередь подсматривать, прильнул к замочной скважине.

В кладовке было тесно.

Я с Максом вдавились в ее углы. Митинька, согнувшись, расположился у двери, а Гилю пришлось залезть на полки с ведрами.

Прошла минута, другая, а Митя все что-то изучал за дверью. Наконец, Толян не вытерпел и заявил свое право на просмотр согласно договоренности, но Митинька не пускал его. «Погоди, погоди», – говорил он. Так прошло еще несколько минут. «Погоди, погоди», – только и слышалось от озабоченного Димы-моряка, «Она колготки снимает».

Но тут свершилось неожиданное: сверху с полок прямо на курчавую Митину голову полилась звонкая струя какой-то жидкости, а в тесной нашей кладовке ударил в нос резкий запах мочи.

Это был Анатолий Гиль.

Ему надоело ждать и уговаривать.

Митя взвизгнул и полез на полку к Гилю требовать сатисфакции. Началась возня, перерастающая в полномасштабную драку.

Женщины в уборной слышали крики и ругань, раздававшиеся из нашей кладовки и стали звать на помощь.

Я открыл дверь; и сцепившиеся Митя с Гилем «выкатились» наружу продолжая драться, не обращая на ошарашенных женщин никакого внимания.

Мы с Максом стояли рядом и с интересом наблюдали за эпическим поединком.

Но тут вбежала уборщица, оценила ситуацию и засвистела в свисток.

И вновь, который раз за день, мы ринулись наутек, полагаясь исключительно на быстроту наших молодых ног.

Выбежав из туалета, мы побежали по длинному вокзальному коридору, но навстречу нам уже спешил милиционер. Мы резко развернулись и побежали обратно, и я, таким образом, первый раз за день, возглавил бегущих товарищей.

Через несколько минут мы были уже у кинотеатра «Родина», с тыльной его части и я, без всяких предложений и пояснений, почти на ходу, открыл своими ключами, находящуюся там служебную дверь (как сейчас помню – справа), и зашел внутрь. Ребята без лишних разговоров последовали за мной.

Через минуту мы все сидели в одном из залов кинотеатра и смотрели кинокартину.

Но это был еще не конец.

По окончании киносеанса, мы подъехали на автобусе от бассейна до улицы Челюскинцев и вышли. Митиньке нужно было что-то взять «списать» у Гиля (а нечего говорить о том, что они уже помирились) и мы решили подняться на гору к Толику, а затем уже двигать по домам.

Было поздно, мы все немного устали и не спеша «гуськом» шли по тропинке, круто поднимавшейся вверх.

Мурманчане знают, что весной, когда сходит снег, под ним, если нет асфальта, оказывается много рослой травы, которая высыхает и вскоре делается совершенно сухой.

Это – беда для взрослых и праздник для детей.

Справа от дорожки, по которой мы шли, стоял одноэтажный частный дом. Перед ним – поляна, сплошь покрытая этой самой высокой сухой травой, а на траве – красный, как сейчас помню, новый автомобиль «Москвич».

Макс чиркнул спичкой...

Полыхнуло сразу.

И так, как я «рванул» на этот раз, я не бегал ни в этот день, ни в другие, ни даже тогда, когда сдавал норматив на свой первый разряд по конькам.

Из дома в одних трусах с топором в руках выскочил огромный мужик, и дико и нечленораздельно воя, устремился на нас. Выражение лица мужика не оставляло сомнений в том, что он имел прямое отношение к объятому со всех сторон снопами огня автомобилю.

Мы рассыпались веером.

Собственно, я не помню, кто и как бежал, и на этот раз – было не до смеха. Я перелетал, в буквальном смысле, через заборы и изгороди, через кусты и камни, пробежал через какой-то сгоревший, полуразвалившийся дом и в районе старого военного ДОТа, я, из последних сил, вскарабкался на гору и остановился на расположенной там «смотровой площадке».

За мной давно уже ни кто не гнался и я сел на камень отдышаться.

Вскоре, справа из кустов, оглядываясь и пригибаясь, как гадюка из камышей, выполз кудряво-взъерошенный Митинька.

А еще через минуту, слева, со стороны «ленинградки» что-то насвистывая, показался Макс.

Он беззаботно шагал по асфальту своими длинными ногами, размах которых, как я уже уведомлял, не уступал размаху крыльев альбатроса.

– Гиль не попался? – спросил я их.

– Гиль живым не дастся! – почему-то сказал Макс.

Мы подумали, вспомнили и все покатались от смеха потому, что совсем недавно проходили военные игры.

Мы заканчивали девятый класс, и они входили в школьную программу по НВП и Гиль и тут получил свои пять баллов.

Так вот: одна из игр заключалась в том, чтобы немцы ловили отряд партизан. Были созданы две группы. В первую отобрали самых сильных, рослых и старших ребят (типа СС). Действие происходило на отдельно взятой сопке, где был и лес, и скалы. А во вторую группу (партизаны) попали Митинька и я, Макс и еще кто-то, ну и Толя Гиль.

Дали время спрятаться и стали ловить.

Всех взяли и скрутили почти сразу: Макса – первым (он сам вышел на «немцев», держа камень в руке, типа, с гранатой, крича «всех убью нахуй»).

Поймали меня, остальных, даже неуловимого Митиньку.

Оставался один участок скалы, где мог укрыться Гиль.

Его обступили.

Крикнули: «сдавайся рюсс партизан».

И вдруг Гиль выскакивает из-за скалы с криками «не подходи, не подходи» и несет в руках саперную лопатку (нам их выдавали), а на ней живое такое, пахучее и свежее говно, свернувшееся колечком.

Уже торжествующие преследователи в ужасе и отвращении от него шарахнулись (а в отряде »СС» были и девочки). Гиль, размахивая лопатой со своим «добром» (блин, и когда он успел?!), воспользовался замешательством врага и исчез в скалах.

Больше его в тот день не видели.

Да... вот, что значит партизанское прошлое его белорусских предков!

Но далее:

– Гиль, наверное, сделает круг, чтобы замести следы, – предположил Дима-моряк, – Живет ведь он рядом с тем мужиком.

– Слушай, а что это у тебя?! – и он указал на мой ботинок.

– Блин, – протянул я.

Все наклонились и стали рассматривать огромный гвоздь, видимо «сотку», который прошил насквозь мой ботинок и вышел в районе пальцев.

– Что, не зацепил ногу? Сними ботинок, – говорил Макс, качая головой, – Это тебе, Димон, повезло.

Я попытался вытащить ногу из ботинка, но не получалось: гвоздь прошил вместе с ботинком и носок.

– погоди, давай камнем назад его выьем, – предложил Митинька.

Долго мы провозились прежде, чем удалось вытащить насмерть засевший в ботинке гвоздь.

Мне действительно очень и очень повезло: старый и весь ржавый, он прошел как раз между большим и вторым пальцем ноги, даже их не пацарапав. Видимо, когда я бежал через сгоревший дом, то там его и «подцепил». Да... даже думать не хотелось о том, чтобы было, если б гвоздь попал мне в стопу ввиду набегавшего озверелого мужика с топором.

– Ладно, пошли, – сказал я и вскоре у ресторана «Панорама» мы расстались, т.е. на том самом месте, где встретились несколько часов тому назад.

Круг – замкнулся.

Этот день кончался, но впереди был новый.

А мой и моих друзей тогдашний темперамент, и неутолимая жажда не только книжной, но и житейской информации об окружающем нас мире, не давала повода предполагать, что этот новый день будет каким-то другим или хотя бы немного спокойней.

П.С. На следующий день:

Митинька вышел со мною из класса биологии и сказал мне: «Подержи, пожалуйста», – и сунул мне в руки свой портфель.

А сам, так это, неспеша, побежал по коридору школы, побежал, побежал, побежал и с размаху ударил в глаз самому высокому в толпе, самому сильному, ужасному своей силой и сильнейшему старшекласснику, который, как все знали – чемпион по САМБО и, который стоял среди своих друзей.

«Смертник» – подумал я, наблюдая это действие и даже зажмурился.

И действительно: замешательство от неожиданного и удивительного поступка Митиньки хоть и было огромным, но оно быстро закончилось и Митю начали бить. Но недолго. Это происходило на глазах у всех на большой перемене и сердобольные «училки» быстро отняли Митю от врагов.

– Ты что, с ума сошел?! – спросил я, вернувшегося живым после этой невероятной выходки, почему-то очень довольного и улыбающегося друга.

– Нормалек, – ответил он мне, – Они бы ждали меня после уроков и избили бы по «серьезному» где-то в подворотне, а здесь – не могли, народу много, а инцидент исчерпан, – закончил он.

– Какой инцидент? – спросил я.

– Я ему на ботинок плюнул... при его девчонках и... сказал нехорошее слово.

– погоди, – сказал мне Митинька и, раскрыв свой огромный саквояж (тогда была мода на портфели «под кожу» со многими замками и карманчиками), взял со школьного подоконника куст в горшке с какой-то, блядь, геранью и засунул себе в портфель.

Надо сказать, что вся комната Митиньки у него дома была заставлена горшками с цветами.

Он их временно заимствовал в школе, библиотеке, читальном зале Дома Пионеров для дальнейшего выращивания, но всякий раз возвращал обратно взращенные экземпляры, правда, порой, забывая куда – какой.

Я говорил, что он был поклонником советских передовиц, но забыл добавить, что всякий раз после их изучения, он брал леечку и нежно, и ласково «проходил» по своим горшочкам с цветами, которые были повсюду: и на полу, и на подоконнике, и на книжных его шкафах.

П.С.П.С. Нет, ну не скотина ли?!

Конец.

Хулиганы и «хулиганы»

Бабочка нежная летит.
Она не улетает.
Она тут.
Сделай так, чтоб ей не повредить.
Она, как и мы хочет жить.
В отличие от нас – она летает.
Д.Савицкий

Здесь я хочу сказать, что хулиганы Мурманска, как, впрочем, и хулиганы других городов России, а также хулиганы зависимых и независимых государств остального мира, делятся на многие категории, но везде существуют две из них основные: это хулиганы – интеллектуалы и хулиганы – люмпены.

С первыми все понятно – это «золотая молодежь». Да и со вторыми тоже все понятно – это пролетарии.

И «хулиганка», таким образом, т.е. ее интеллектуальная и общечеловеческая составляющая этих двух групп была и будет разной всегда и везде и на всех континентах.

Первой из них, а само собой разумеется, что мою «компашку» я причисляю к первой, хотя Толя Гиль и не был из семьи, что называется, строгих правил, и стал «золотой молодежью» только благодаря своей «золотой» голове, было присуще «шалопайство» общего вида, так сказать, без тупой конкретики; и каждый из нас и мухи бы не обидел, если б эта «муха» была конкретно осязаемой, слабой и беззащитной.

Вторая обозначенная мною группа как раз и выходила на улицы, чтобы оскорбить, унижить и прибить именно кого-нибудь более слабого.

Мы обижали всегда более сильного! А так, какой интерес?!

В этом, пожалуй, и состоит главное отличие этих двух групп.

Нет, я не хочу сказать (на примере Булгаковского профессора Преображенского), что я не люблю пролетариат. В дальнейшей моей жизни я часто встречал и дружил с замечательными ребятами рабочих специальностей, да и сам рано женившись, каждое лето ездил подзаработать в стройотряды, где приобрел до десяти специальностей, некоторые из которых первую неделю работы оставляли на моих руках кровавые мозоли.

Например: когда закончив свой пединститут, я получил распределение в город Канда-лакшу и, начав там служить по министерству просвещения, я как раз и дружил с двумя замечательными людьми с средне-специальным образованием.

Первым был Виктор.

Он работал крановщиком на местном, кажется, алюминиевом заводе. Это был серьезнейший человек. Отличный семьянин, он растил двоих детей и если вечером я заходил к нему, он неизменно делал с ними их домашние задания. И хотя, в силу этого обстоятельства, встречались мы не часто, но зная мою специальность, за бокалом вина (а в целом он был непьющий) он, всякий раз, рассказывал мне о свежепрочитанной своей книге, а это были и «записки» Платона, и «мысли» Канта; и делился со мной своими мыслями о прочитанном, и спрашивал мое мнение на этот счет.

Иногда я не знал, что ответить, но что-то понятное дело врал.

Вторым другом был Депутат Шпунтик.

Вообще-то его звали Василий, но работал он механиком – водителем в гараже и кроме того был депутатом местного райкома. И когда мы с моим соседом по квартире учителем физики толстым и веселым Витькой, заходили к Васе в гараж, то всегда орали: «Где Депутат Шпунтик (а Шпунтиком, кто не знает, был известный герой из книг Носова про Незнайку,

который как раз и был механиком), подать его нам сюда», то все ребята в гараже смеялись. Смеялся и Вася, потому, что это был добрейший и скромнейший молодой человек.

Быть может, в силу как раз именно этих прекрасных человеческих его качеств, от него тогда только что ушла жена. А, точнее, не ушла, а выставила его за дверь из его же квартиры; и он, оставшись холостяком, полюбил нашу веселую компанию и не отставал от нас, а точнее от собственно меня.

Но я часто был виноват перед ним, хотя и делился всем, что у меня есть.

А дело заключалось в том, что на меня всегда бабы липли, как мухи на мед или пчелы или хер знает что.

. Я уже уведомлял, что я был красив, да еще и образован (а это нонсенс в небольшом рабочем городке), да еще пел и играл на гитаре. Этого и в отдельности могло быть достаточным для успеха у дам. А вы представляете, когда все вместе в одном человеке?!

Мне не давали прохода.

Каждая молодая и не очень женщина и Мурманска и Кандалакши, а затем и других городов нашей необъятной родины, хотела заполучить меня.

Если не в мужья – то, хотя бы, в любовники. Если не в любовники – то, хотя бы, на ночь, а если не на ночь – то на день, или на его часть. Вы думаете, это похвальба?!

Нет, сука, это – проблема.

«Красавчики» делятся на две категории: глупые и умные.

Так вот – я был умным.

И если б не женщины, то еще до тридцати лет я стал бы профессором Гарварда, Кембриджа, а возможно даже и Сорбонны.

Я почти не шучу.

Моя ситуация напоминает мне беседу моего отца со старшим Бондарчуком – Сергеем Бондарчуком.

Мой батя, роскошный мурманский моряк в черном кителе, когда-то сидел за столиком в одном из питерских ресторанов и к нему за столик попросился подсесть Сергей Бондарчук (а свободных мест в те времена вечером в ресторанах было не найти).

Он уже был известен на весь мир ролями графа Безухова в фильме «Война и мир» и солдата Соколова в Шолоховкой «Судьба человека».

Мой папа и Бондарчук, кстати, сильно похожие друг на друга внешне очень красивые мужчины, сразу нашли общий язык; немного выпили и разговорились.

«Не могу, Федор, не могу», – обращаясь к моему отцу, говорил Бондарчук. «Они не дают мне прохода! И днем лезут и не какие-нибудь «шалавы», а дочери, а чаще жены министров и первых секретарей; и ночью звонят по телефону в гостиницу, а когда я его отключаю, то стучат и ломятся до утра в дверь.

– Я не могу нормально выспаться!

– Я прячусь, вру, – продолжал он, наливая себе еще коньяка, – меняю гостиницы – все без толку! Узнают, где я почти сразу и опять «достают».

– Понимаю, Сергей, – говорил мой отец, – Мне это тоже известно. Наверное, немного не так и не в таких масштабах. Но, когда я пришел с фронта, молодой, здоровый офицер (а кругом среди мужиков после войны были одни калеки), то месяца не проходило, как какая-нибудь женщина не приносила мне в «подоле» младенца и не говорила, что он мой.

Примерно подобное происходило со мной.

И, когда Вася просил меня, чтобы моя подружка привела для него свою подругу, то та, внимая моей просьбе, приводила, но тут, и так всегда, практически без исключений, та вторая, находя момент отсутствия и моей подруги и бедного Васи, без всяких стеснений, предлагала себя мне на любых удобных для меня условиях.

Как вам такое?!

Нет, ну конечно, я был молод, глуп, но...

Но к нашей теме. Я расскажу вам историю, которая как раз и повествует не о тонких, а о грубых гранях различия между хулиганами разных уровней воспитания и поведенческих норм. А проще говоря: между интеллигентами и «быдлом» потому, что последних я ненавидел, и буду ненавидеть всегда.

Они отравляют мое благородное чувство к человеку.

Три красных девицы из музучилища нашли в себе смелость потревожить нас с Максом «грязным» предложением, суть которого заключалась в том, чтобы на выходные с едой и палаткой, т.е. с ночевкой, отправиться куда-нибудь на природу и отдохнуть.

Мы не стали ломаться и согласились.

Старых, испытанных «корешей», по каким-то причинам, не оказалось под рукой, и третьим, для равного количества мальчиков и девочек, мы взяли моего однокурсника Цыбульского.

Цыбульский не выходил из дома. Т.е. он находился дома, потом ехал в институт, учился, а потом ехал домой. Все! Чем он занимался – никто не знал.

Ни с женщинами, не с мужчинами на улицах нашего вообще не слишком тогда большого города замечен он не был.

Но Цыбульский – шляхтич и его прадеды, размахивая своими сабельками (как говорит статистика) не доживали и до 30 лет.

Хотя он был очень и очень симпатичен тонкими польскими линиями лица и в целом фигуры и мог нравиться бабам, но он их избегал, но не трусливо, а грубо и цинично.

И когда в институтской столовой на короткой большой перемене выстраивался впереди нас целый рой девчонок с подносами наперевес, а подходили еще и еще другие, типа, «для нас занимали», он нервничал, и с присущим только полякам гонором, он выкрикивал: «Поторапливайтесь жалкие ничтожные обезьяны».

А впрочем, он был добрейший и воспитаннейший молодой человек, и девушки понимая это, ни сколько не обижались на подобные его грубости, так как грубость из уст интеллигента несопоставима с грубостью люмпена по многим причинам. Тут и интонация, и манера произношения и выражение при этом глаз, и еще черт знает что неуловимое.

Вспомним, например, великую Фаю Раневскую,
с ее матами-перематами.

Все мы – шестеро поехали на электричке на 412 километр, и, пройдя вверх по ручью, нашли прекрасную и мирную полянку, разбили палатку, и девочки накрыли скатерть с едой и напитками.

Мы были счастливы тогда и наслаждались природой (нашей северной, без южных излишеств, но такой чистой как девочка в 14 лет).

Была гитара, а девчонки были из музучилища, еврейские (дай им бог здоровья) пианистки; и когда я пел, сука, своим «волжским» баритоном они были готовы на «все».

Из-за сопки появились «пацаны».

Их было человек 8-10.

Один такой сразу зашел на нашу растеленную скатерть с едой и напитками и разбросал все ногами.

Они, как оказалось, были «хабзайшняками» и у них, типа, был «выпуск».

Остальные стояли рядом и ухмылялись.

Их было много. Нас было мало. Они были пьяными. И нам предстоял выбор или всупить с ними в «неравный бой» и «погибнуть», а с нами же были девочки, или как-то разрулить ситуацию, насколько это было возможно и не поддаться первому искушению на «мордобой».

Девчонки помогли.

Они встали и начали общаться.

Таня – самая умная евреечка, примирительно заговорила с альфа-самцом из их группы. Все немного подобрали, хотя изначально нас хотели прибить, а девчонок, может, изнасиловать.

Все разбрелись, гуляя.

Я сидел на бревне с тем, почти человеком, что разбросал ногами все на нашей скатерть с едой, а Цыбульский сидел рядом, справа от меня.

Он незаметно всунул мне в руку ножичек и показал взглядом на соседа.

Я долго не мог ему простить такой его поступок.

Я был немного пьян.

– Ты представляешь, скотина, – говорил я Цыбульскому потом, по-прошествии времени, – что, если б я его «пырнул»!?

«Вечер» продолжался и Макс, договорившись «один на один», скатился с горы с одним из, а точнее – главным «пацаном» из наших насильников.

Нам приходилось быть дружелюбными и улыбаться, хотя конечно их хотелось убить.

Все было испорчено, но с этим приходилось мириться.

Вдруг, через какое-то время, на нашей поляне никого не оказалось.

Все разбрелись.

Я, Макс и Цыбульский оказались одни на поляне.

– Где девчонки, – звенящим шепотом спросил нас Макс, похожий тогда на Одина.

– Зашибу, – заорал он на всю округу и вырвал из земли березу.

Сориентировавшись по местности и с криком «ни кому, ни кому не уходить с тропинки», он погнал нас с Цыбульским впереди себя к лагерю «хабзаишников» по скользкой и извилистой тропе.

Впереди был Цыбульский. В руках его был ножичек. Я шел вторым, размахивая топором. Третим – сверепый Макс (раньше я его таким не видел), с огромной березой на плече.

И вот этого я никогда не забуду – ни в этой жизни, ни в следующей.

Мы ворвались во вражеский лагерь, где находилось пять-шесть палаток этих будущих рабочих и Макс своей березой начал их крушить.

– Зашибу, – орал он всю округу.

А я подрубал туристическим своим топориком основания долбанных их палаток.

Но «ребяток» не было. Когда мы только приблизились, они слиняли как «дым».

Но больше всего меня поразил Цыбульский.

Он первый выскочил на сопку, прыгнул на центр поляны на еще тлевшее костровище; вертелся «выюном», «тыкал» во все стороны своим ножичком и «визжал»: »не подходи, не подходи, не подходи – зарежу».

П.С. А наши девчонки, оказывается, просто, сами пошли купаться в ручье.

Конец.

Лысков и море

Когда в море гасят свет,
И труп выносят вон.
А за окном рябой рассвет.
Я все ж скажу: – Шоу маст гоу он!
Д.Савицкий.

В мировой истории и литературе есть много свидетельств о тесной связи человека и моря. Эта связь порой героическая, порой драматическая не оставляет равнодушным и восхищает, как морем, то ласковым и прекрасным, то грозным и беспощадным – так и человеком, любящим его, но не раз вступавшим с ним в смертельное единоборство.

Начало этим контактам положило, я полагаю, зарождение живого организма в мировом океане. Океан породил человека, если верить Дарвину, океан погубил человека, если довериться Библии, но, как бы там ни было: тесное сосуществование человека и моря очевидна, и не требует доказательств.

Пять долгих месяцев Ной с чадами и домочадцами спасался на ковчеге (судно, лишенное мачт) от всемирного потопа и спасся, а других людей, менее изобретательных, вода поглотила.

Но аргонавты во главе с Ясоном презрели эту информацию и именно по морю, а не, к примеру, по суше решили добраться до Колхиды, которую в итоге и ограбили, тиснув у прапрадедов современных грузин золотое руно, а у местного царя дочку на выданыи.

Одиссея 10 лет мотало по проклятым греческим морям прежде, чем он добрался до желанной Итаки с Пенелопой впридачу.

А вот Эйрик Рыжий и Христофор Колумб благословили морское путешествие, позволившее им поочередно открыть Америку.

"Морской волк", Джека Лондона, ловил на море котиков, "Старик", Эрнеста Хемингуэя, – большую рыбу и именно море, а не пустыня или горы, позволило этим людям занести свои имена на скрижали истории, отметившись тем самым, как говаривал наш герой, о котором и пойдет речь, в лучшую сторону.

Добавлю только, что все эти ребята, включая и Вяйнямейнена, которого по карело – финскому эпосу море вообще породило, на мой взгляд, были на разогреве, явились, так сказать, увертюрой, аперетивом, гарниром, если угодно, предшествующим и обрамляющим невероятную и леденящую кровь историю о Лыскове и мировом океане.

Это было в середине 80х годов прошлого века в городе-герое Мурманске.

Я и Максимилиан Нептица (настоящая фамилия или фул нейм, как говорят англоязычные организмы Максим Соколов) прогуливались.

Наш маршрут пролегал от железнодорожного вокзала к "Пяти Углам" и далее на "Бродвей". Мы смотрели направо, на ресторан "Меридиан", где шалили пару дней назад. Переводили взгляд налево на ресторан и отель "Арктика", откуда я вынес Макса вчера; кстати, сняли там двух молодых и страшных финок, которые что-то лопотали на своем языке весь вечер; пили с нами, танцевали с нами, потом звали подняться к ним в номер, но мы не пошли. Макс сказал мне, чтобы я передал им, чтобы они пошли в жопу; после чего он упал мне на руки, и мы покинули любимое заведение.

Да, ну вот; мы подошли к лучшей, на наш взгляд, площади мира, которая в довершение совершенства имеет пять углов, и закурили.

Далее, по правую руку, располагался ресторан "Дары моря".

Но не в скучный ресторан «Дары моря», ни в веселые "Меридиан" и "Арктику", как и в другие подобные заведения, являющиеся для двух студентов альфой и омегой существования,

мы не пошли по банальнейшей для студентов причине: у нас не было денег. Не было и не предвиделось.

Но мы с Максом были философами – стоиками, а может даже и философами – киниками, а, значит, довольствовались тем, что есть, а была у нас молодость, а на остальное мы «ложили».

Вдруг голос:

– Савицкий, Макс!

Мы оглянулись.

Это был Лысков.

Мы не сразу узнали его. Нас окликнул человек с черным, обветренным лицом, кожа которого соединялась с костями черепа так, что не имела между ними никакой, присущей подавляющему большинству млекопитающих, жировой прослойки. Он был страшно худ и только буйная, кудряво-солнечная, напоминающая мазки Ван Гога, я бы сказал: неистребимо славянская шевелюра, позволила нам с Максом опознать этот скелет, как Лыскова.

И все же, подходя ближе, мы спросили:

– Лысинький, это ты?

– Приходите ко мне вечером, – был ответ, – Все расскажу...

И в компании каких-то морячков Лысков пошел дальше.

Мы не видели его месяца три. Он как-то неожиданно исчез, но так, как подобное с ним случалось и раньше, мы не забеспокоились и не стали наводить о нем справки. Еще скажу, что нравится мне эта северная немногословность и неэмоциональность. Это та настоящая рускость, которая мне по душе и которую я уважаю.

На тот момент, Лысков, нам с Максом, был уже близким другом.

Мы не видели его долгое время и, тем не менее, не бросились друг другу в объятия, пожатия и прочие похожие физические проявления, как принято, скажем, у более молодых народов. Например: негров или кавказцев и, которые после 90х годов, стали повсеместно зрими и у многих русских, перенявших у них этот (я буду мягок) не культурный обычай людей видимо недавно вышедших из родо-племенных и клановых союзов, для которых такого рода обнимашки, как и виляние хвостом у собак в стае – обычная практика в выражении лояльности и поддержки друг друга.

И действительно: Лысков – мне друг, но не восемнадцатилетняя тайваньская девочка, чтобы я его душил в своих объятиях.

Кто-то скажет: «А русское целование»?! Отвечу: есть такое, но думается мне, что это – позднее христианское заимствование, поэтому и троекратное.

Но идем дальше.

Я и Нептица еще пару часов погуляли, дефелируя по "Бродвею". Зашли на "квадрат" (Мурманская точка знакомств и нескромных предложений, если, кто не знает). Равнодушно заметили возбужденное «трепыхание» при нашем появлении девчонок, делающих вид, что они зашли туда, чисто, посидеть и покурить; и не спеша двинули к Лыскову. Он жил рядом, в центре, недалеко от «десятки» (средняя общеобразовательная школа №10).

Лысков был обнаружен, как и предполагалось, у себя на квартире и странное дело, как обычно, один. Странно, потому, что ему, как и нам было не больше 21 года, а вечная помеха молодому счастью – rodiши – у Лыскова не наблюдалась.

Где были его родители, он не рассказывал, а мы не спрашивали.

Пройдя по длинному коридору, на пороге кухни я и Макс остолбенели; и хотя по Мурманскому обычаю, срисованному у старших мужиков, включая старину Горация, мы старались »nil miragi« – ничему не удивляться, но все же картина "Лысков и его столовая" была довольно смелая:

С самой безразличной физиономией, и это обычное его состояние, Лысков сидел за столом у окна, а вдоль стены за ним, за холодильником, да и вообще везде по периметру неболь-

шой, как обычно в те времена кухни, стояли тогдашние деревянные ящики с пивом, водкой, вином, да и чего там только небыло!

Некоторые конструкции из этих ящиков упирались в потолок.

«Ну, ладно», – подумалось нам с Максом и мы, не говоря ни слова, подсади к Лыскову за стол. Лысков плеснул нам в стаканы водки. Мы выпили и запили пивом. Затем было еще налито по полстакана водки. Выпито и запито пивом. Таким образом, мы с Максом достигли по отношению к Лыскову некоторого алкогольного паритета и, тем самым, стали готовы адекватно воспринимать информацию о событиях, которые судя по лысковскому состоянию, были к нему не добры.

Рассказ Лыскова.

– Брат, сука, сволочь, – хорошо и лаконично начал Лысков, – тему предложил: денег поднять по легкому; по легкому, – повторил Лысков и, что-то вспомнив, закурил сигарету.

– Ну, вообще, он рассказал, – продолжал Лысков, – что кроме больших флотов Мурманска, типа: Севрыбхолод или Траловый флот или Ледокольный, где огромные, мощные суда, но вы в курсе – у вас папаши там на них в море ходят, есть и поменьше.

Мы с Максом согласно кивнули, так, как у Макса папа был начальником радиостанции на атомном ледоколе "Арктика", а у меня первым помощником капитана на плавбазе "Даурия".

– Так вот.

– Эта «гнида» расписала, что мол не в «кайф» ходить в моря от таких флотов и на таких судах, так как и рейс – минимум на полгода, а то и по году, а главное – зарплата фиксированная. Т.е. понта много, а денег – не очень. А вот есть, и он только что узнал, такие, типа, колхозы или совхозы, не важно, которые не известно выращивают ли свиней или картошку, но только имеют собственные небольшие рыболовные траулеры, которые выходят недалеко в Баренцево море на два-три месяца, не больше, и по "путине" таскают там рыбку. И главное: морячки не на зарплате сидят, а на «сдельщине». Сколько рыбки вытащат – столько денежек и получат. Вот, по 3-4 тысячи на морду за рейс и получают!

– Ну, круто, – сказал Макс, – круто!

– И ты, я вижу, получил, – добавил я, обводя взглядом помещение.

– Получил, получил, – усмехнулся Лысков, – Но это, как бы и нах...

– Что так? – осведомился Макс.

– Да так. Ну, вообще, вы поняли. В итоге я согласился. Ну, и уже на следующий день поехал отвозить документы и как-бы наниматься. Понимаете, – продолжал Лысков, – хотя я был тогда, как и вообще в последнее время «на мели», но относился к этой теме не серьезно: как-то не верилось, что меня возьмут. Я же море в глаза не видел.

– Постой, – сказал Макс, – ты же вроде в Питерской «карабелке» учился?!

– А ты, что, не догадываешься, как я там учился? Поэтому и вышибли меня оттуда. Но вот в отделе кадров этого, мать его, колхоза, мне обрадовались, сказали: «раз Вы с мореходным образованием, хоть и не законченным, то будете матросом, сука, рулевым»!

– Кем, кем? – переспросил я, больше удивляясь, какой-то злой самоиронии, с какой было произнесено Лысковым последнее слово, чем его смыслу.

– Рулевым, – повторил Лысков и задумчиво уставился в окно.

Мы с Максом переглянулись, помолчали и, преодолевая страшное желание «заржать», Макс, серьезно так, откашлялся в кулак и сказал:

– Продолжай!

Лысков налил всем водки и сам, хлопнув чуть не стакан, продолжал:

– Ну, там медкомиссию «по пырому» прошел и был назначен день и час отхода.

– А, что за пароход-то? – спросил Макс.

– Пароход?! – переспросил Лысков, – лохань, мать твою, траулер, сука, ржавый, с экипажем в пятнадцать человек.

– Ну, вот, хотел я пораньше на борт заявиться для ознакомления с этим "плавсредством", но, как-то замотался и прибежал за десять минут до отхода, т.е. – в полночь. Ну, поднялся по трапу и главное: никого нет! Стал я шариться по кубрикам. В один заглянул – пили. В другом было темно. Я пощупал: спали пьяные – судя по запаху. Но потом повезло: наткнулся на знакомую морду; меня с ним познакомили на берегу – старпом. Он показал мне кубрик, где бросить вещи, и ушел, приказав через пять минут наведаться на капитанский мостик.

Но тут все задрожало, загудело, раздалось какие-то команды, сопровождаемые страшным матом, и я понял, что мы, типа, отчалили. Тут мне сделалось страшно! Да, я испугался так, что даже затошнило. Я выбежал из кубрика и пока никто не видит, решил выпрыгнуть на берег. Но, когда я добрался до борта и глянул – то пристани уже не было видно; да и воды не было видно: темень, черная пустота и тут, сука, я понял, что «попал». Я готов был выпрыгнуть и в воду, но это была не та вода, что я видел, отдыхая на Черном море: теплая и голубенькая. Тут, сука, – чернь и холод. Блядский север, – заключил Лысков.

Но пару слов о Лыскове: среднего роста, строен и красив греческой четко очерченной красотой линий во всем, но только на русский, славянский манер.

Лысков всегда был равнодушен, всегда спокоен. Вывести его из себя казалось делом не возможным. Я, Савицкий – основной поставщик баб в нашу компанию обычно представлял Лыскова дамам, как дрессировщика обезьян и человека без нервов.

Помнится, на какой-то новый год, я, таким образом, представил Лыскова большой компании еврейских девушек из музучилища, которых я, находясь с ними в тесной дружбе, пригласил на праздник.

Одна особенно заинтересовалась этой характеристикой и, находясь за столом рядом с Лысковым, все пыталась:

– А, как это – без нервов?! Что вы под этим, молодой человек, подразумеваете?! Ведь есть же какие-то правила, – говорила она, пригубляя коньяк, – вот нельзя же, к примеру, раздеваться на людях догола без нервов и стеснения!?

– Можно, – ответил лаконичный Лысков.

– Ну, как это, ха-ха-ха, – резвилась девушка еврейской национальности, которую обучали в музыкальном училище бить руками с растопыренными пальцами по клавишам фортепиано.

– Вот, например, здесь, – продолжала она, обводя взглядом большую, разношерстную, прекрасно одетую и едва знакомую друг с другом толпу, – это не реально!

И действительно: вечер только начинался, пьяных еще не было, в углу сидели чьи-то родители.

– Реально! – сказал Лысков и начал раздеваться.

Гости уже давно прислушивались к их диалогу, а теперь стали и наблюдать, как Лысков через голову снял свой джемпер и, поправив аккуратно прическу, стал расстегивать рубашку.

Все заулыбались думая, что это – шутка и одежды у северного мальчика еще много. Тем не мене Лысков быстро снял рубаху и находящуюся под ней футболку, а затем и джинсы, чего никак не предполагали гости, находясь за новогодним столом, и вдруг обнаружив за ним чьи-то волосатые рыжим славянским пушком ноги. Но я видел, я видел, что, как там, у Станиславского: ни кто не верил в серьезность происходящего! Ну, мальчик разделся – герой! Ну, вот и трусы – здорово!

И, увидев белые в синий горошек трусики, напряжение спало и гости зашумели, разговорились и отвлеклись наивно палая, что этим все и кончено.

Так думала и бедная еврейская, нахер, пианистка! Она-то и разбила свой бедный талантливый еврейский череп о косяк двери, через, которую выбегала, наряду с другими, когда Лысков, поводя пальчиком по резинке своих трусов, вдруг их снял.

Он стоял, освещенный гирляндами елочных огней, а его "добро" вывалилось, как казалось, чуть не на тарелку с салатом. Но это, повидимому, многим только казалось, потому, что наш общий друг Жекуня, спустя время, возмутился:

– Блин, Лысков, ну было-бы, что показывать, а у тебя был маленький, сморщенный, тьфу...

– Где маленький? – воспрощал Лысков, доставая своего "друга" и демонстрируя нам с Максом.

– По-моему – ничего!

Добавлю, да простит меня читатель за отхождение от главной темы рассказа, что в тот вечер уже комсомолец и курсант Высшей мореходки Максим Соколов, не привыкший ни в чем уступать героям современности, вообще скакал на столе и, конечно, голый, потрясая всем, что у него было на тот момент. Но это было потом, когда лишние гости »рассосались«, а еврейские пианистки и особенно та, что усомнилась в «непобедимости» Лыскова с разбитой и уже забинтованной »башней«, уверенно и спокойно сидели за столом, смеялись и аплодировали.

Но вернемся к герою нашей повести:

– Я, – продолжал Лысков, – потом просто пошел на свет, как мотылек, – голос Лыскова дрогнул, – а это оказалась, сука, рубка, со штурвалом, нах... и я зашел. Мне обрадовались. Там такой омбал стоял один и улыбался у штурвала. Он спросил: – Где, паря, ходишь? Держи, – и ушел!

– Я ни хера не понял, ни хера! На мостике никого не было! Движок, я слышал, гудел, палуба шаталась, по борту проносились огни. Я вцепился в руль...

– Штурвал, – уточнил Макс.

– Штурвал, – подтвердил я.

– Пошли вы нах, – заорал Лысинький, но потом, вспомнив, что он – самый невозмутимый, подтвердил: – Штурвал, я потрогал этот, сука, штурвал, и уже не выпускал его.

– Вот, видите синяки? – и Лысков протянул нам с Максом под самый нос свои клешни. В глазах Макса читалась, я видел, фраза: »Надеюсь, это не от онанизма«. Но пристально посмотрев на бледного и, на удивление, нервного Лыскова, он спросил:

– Ну, понятно. А, что дальше-то было?

– А то, что я этот блядский штурвал в ту ночь держал так эдак часов семь.

– Вы, блин, не поняли, – вещал Лысенский, – Ночь, темень, лохань на всех парах куда-то херачит, я один за штурвалом ею, типа, управляю. Что дальше? До выхода в море, вы знаете, где-то 40 километров, а по пути в заливе, сука, лодки, пароходы на рейде, всякая прочая хрень, а главное: впереди Североморск – база северного флота со всей своей поебенью, включая крейсера и прочие атомные подводные ракетноносцы.

Тогда мы с Максом, кажется, сделались серьезнее. Мы были шалунами – да, но тупыми мы не были никогда. Мы замолчали.

Лысков посмотрел на нас, затем в окно, помолчал, налил водки и продолжил:

– Делать было нечего, я стал рулить.

– Я еще надеялся, что кто-то сейчас подойдет, но время шло, а никого не было.

Снизу из кубриков, кажется, слышалась какая-то возня, музыка, даже вроде песня.

Я хотел кого-то позвать, привести, сказать, что я, типа, не в курсе, не умею. Я, даже, сделал пару попыток сбежать вниз и позвать, но тут началось! Жопа!

– Какая жопа? – переспросил, закуривая, Макс.

– Самая настоящая, смертельная!

По курсу нашего корыта вдруг из темноты вырос огромный корабль. От него в разные стороны тянулись какие-то тросы, я потом понял, что это были якорные цепи, вообще он стоял на рейде посреди залива. Волосы у меня зашевелились, ведь я не только эту баранку не умел крутить, я...

– Штурвал, – вставил Макс.

– Штурвал, – согласился Лысков, – Но я и за рулем машины никогда не был, да, какой машины, – продолжал Лысков, – Я и велосипедом никогда не управлял.

– И я крутанул его.

– Штурвал? – спросил Макс.

– Его, – подтвердил Лысков, – И уже не переставал его крутить: то влево, то вправо до самого утра.

– Тот первый корабль я едва обошел, но слишком резко повернул так, что стал перпендикулярно заливу. Где-то недалеко, по видимому, был берег, но его не было видно. Вот в чем главная беда: знаешь, что он есть, скалистый такой, но его нет, не видно! Полярная ночь, сука!

– Я испугался и резко крутанул вправо, пытаюсь держаться центра залива. Ну и понеслось: пароходы, лодки, какие-то плавучие доки. Обхожу их то слева, то справа. Одни пронеслись мне навстречу, гудели видимо мне так громко, что я приседал. Один пароход, я так увлекся обруливать, – и тут Лысков слегка улыбнулся, – что повернул назад к Мурманску.

– Да, – продолжал Лысков, – Появилась даже мысль вернуться, но я сообразил, что назад – тупик и придется выброситься на берег. Лучше все же – в открытое море! И я, сделав, таким образом, круг почета вокруг неизвестного мне судна, повернул обратно.

– Главное: огни какие-то светят с берегов, прожектора, еще какая-то поебень, но я-то не в курсе их предназначения.

А моя лохань неслась на всех парах. Наверное, нужно было бы уменьшить ход, но я не знал как.

Лысков сделал паузу, налил всем водяры и посмотрел мне прямо в глаза:

– Впереди был Североморк!

– Из темноты стали вырастать силуэты огромных кораблей с торчащими во все стороны пушками и ракетами. Их было много, были и подлодки. В одну я чуть не врезался. Я чувствовал, что не вырливаю и только между нами, – Лысков понизил голос и огляделся, – Я подскокил к двери тогда, открыл ее и хотел выпрыгнуть за борт, но глянул в черную пустоту и бегом вернулся – не смог. Страшно стало до зверинного воя. Я думал, я понял потом, что самое ужасное – это неизвестность, непонимание, что делать. Когда идешь хоть в ад, но осмысленно с "картой" и "компасом", – тогда не страшно: и пошутить, и посвистеть по дорожке можно.

Лысков примолк. Мы с Максом тоже молчали. В нашей компании Лысков не имел амплуа мудреца и философа. Он был уважаем, но прост и скорее оригинален, чем умен, но жизнь вносила, как видно, свои коррективы прямо на глазах.

– Дальше, – предложил Макс.

– Дальше? – спросил Лысков, – А дальше вдруг все погасло. Да, я миновал Североморск, слепящие огни, прожектора, корабли, всякие плавдоки, и вдруг въехал, не знаю, как сказать, в полную чернь и темень. Сначала, я обрадовался, что миновал угрозу куда-нибудь въебениться, но потом стало еще страшнее. Я ничего не видел. Может от того, что раньше все слепило глаза, не знаю. Залив был весь черный. И вода – черная. И небо – черное, ни облачка, ни тем более звездочки, ничего не видно! Куда рулить? – не понятно!

– И вдруг, я вспомнил: ха, ха, ха, – и Лысков впервые за весь вечер весело, хотя и немного нервно, рассмеялся.

– Я вспомнил, что в детстве читал рассказ, кажется Джека Лондона, где описанно, что, когда в темноте появляется берег, то волны светлеют и появляются такие белые барашки.

– Барашки? – переспросил Макс.

– Барашки, – подтвердил Лысков, – Белые.

– Ну и вот. Крутанул я штурвал налево. Смотрю, через какое-то время, действительно, вода стала светлеть, и появились барашки. Ага! – думаю, – значит, берег близко. Крутанул вправо. Жду. Через несколько минут – справа барашки появились. Ну и я опять налево. Так я и стал продвигаться по заливу: барашки – слева, барашки – справа.

– Не помню, сколько по времени я так крутил, но только потом барашки пропали.

– Как это пропали, а кудаж это они делись? – спросил я.

– А это я в открытое море вышел, – откинувшись на спинку стула, самодовольно ответил Лысинький.

– Я сам не сразу понял, но кручу штурвал и туда и сюда, а барашек – нет! Кручу еще – нет и все тут. Вот тогда я и смекнул, что раз нет барашек – значит нет берега, а раз нет берега – значит, я в открытом море! Ну и пошел ходить по кругу.

– Даа, – протянул Лысков. – Простоял я так еще где-то час. Немного светлеть уже начало. Рук, ног уже давно не чувствовал. И даже не столько устал, сколько отупение какое-то появилось, равнодушие. Вдруг, появляется снизу вчерашний «амбал», который меня там бросил и так это матерно, что, мол, ты тут делаешь?

– Это он, представляете, мне?!

«Пошел нах. отсюда», – говорит и даже, так это, легонечко коленом под зад!

– Ну, скатился я вниз. Не помню, как нашел свой кубрик и упал.

Мы помолчали.

– Да, досталось тебе. Это почище Сциллы с Харибдой будет, – после некоторой паузы сказал Макс и быстро взглянул на меня.

– Кто, кто, – переспросил Лысинький.

Я до скрипа сжал зубы и старался на Макса не смотреть. (Мы с Максом были такие смешливые...)

– Ну, а дальше? – набрав в легкие побольше воздуха, и закашлявшись, выдавил я.

– А, что дальше?!

– Не знаю, сколько проспал – расстолкали меня. «Че», – говорят, – «ты сюда спать, что ли «приперся»». Ну и началось... Днем тащим трал, потом всей командой, кроме капитана, становимся шкерить рыбу, а ночью боремся с обледенением: топорами, ломami, лопатами лед скальваем с такелажа – чтоб не перевернуться. И так – два месяца!

– Днем трал с рыбой тащишь; затем ножом рыбе харакири учиняешь часов так по шесть весь в чешуе и кровище, а ночью – топором машешь, лед колешь. Когда, где и сколько я спал, что ел – и не помню. Неоднократно приходила мысль повеситься, но сил найти веревку и, так сказать, привести приговор в исполнение – просто не было. Для этого, оказывается, не только духовные силы нужны или их отсутствие, но тут я понял, и это – главное: физические силы нужны, спокойная возможность все сделать правильно! Думать об этом, когда я рубил рыбе головы я еще мог, но физически что-нибудь сделать, я уже был не в состоянии.

– А за борт броситься? – спросил нетактичный Макс.

– Там холодно, вода ледяная, брр, – пояснил, поежившись, Лысков.

– А-а, – удовлетворился объяснением Макс.

Лысков помолчал немного; мы с Максом тоже.

– А, знаете, что самое удивительное в этой истории, – спросил Лысков и сам, после небольшой паузы ответил:

– Самое удивительное то, что ни одна зараза на корабле не спросила меня про ту ночь. То есть ни кто не поинтересовался, как я вахту отстоял. Как будто – так и надо. Как будто – ничего не случилось. Ведь на волоске жизнь всех висела. Всего экипажа! На волоске!

– Так может они не догадывались, что ты, типа, «лох»? – спросил я.

– Сначала, может, и не догадывались, но потом-то я неоднократно вахту за штурвалом стоял. Все они видели – и капитан, и старпом, и другие.

– И, что?

– Да ничего, только посмеивались, ну и учили потом, что и как.

– Кстати, команда оказалась профессиональная, грамотная. Каждый знал свое место, свои функции. Капитан непонятным чутьем находил "жирные" косяки рыбы. Матросы живо

спускали и вытягивали трал. Мы несколько раз за рейс забивали трюм под завязку. Шли, сдавали рыбу и быстро возвращались. Дизель на траулере работал, как часы: механик был супер.

– Ну, а ты? – спросил Макс.

– Да, и я влился, в итоге, в коллектив – не мог не влиться!

– Ну, а про ночную историю ты сам им рассказывал? – спросил я.

– Я? Нет! Что я – дурак, что ли? Им лучше об этом не знать, – протянул Лысков и испуганно посмотрел на Макса.

– Могила, – уверил Лысинького Максимилиан.

– Да, бросьте вы, – после некоторого размышления, сказал я. – Ничего бы тебе они не сделали, даже если б ты все им и рассказал.

– Это почему? – спросил Лысков.

– Ну, ты же сам говоришь, что команда сразу поняла, что ты лох в морском деле.

– Ну!?! – не понимал Лысков.

– Фаталисты, – сообразив, задумчиво произнес Макс.

– Фаталисты, – подтвердил я.

– Фаталисты, моренисты, смертники, – уже ниспуская на себя, забытое за время этого "небольшого" морского приключения всегдашнее свое равнодушие, улыбаясь, заключил Лысков и потянулся за водкой.

П.С.

Наш друг скоро пропился до нитки и опять ушел в море.

Макс тогда сказал о Лыскове: «Это, как убийца: всегда возвращается на место преступления!»

Он вышел живой из моря, как Вяйнямейнен. Теперь он наш герой, – голосом сказителя карело-финского эпоса, ответил Макс я.

Чуть не надорвавшись от смеха, мы пошли в «Арктику».

Конец.

Лысков и «медак»

В ночь после свадьбы я домой возвращался,
зигзагообразной поспешностью.
Споткнувшись о кошку,
в лужу упал чуть дыша.
Но жена утверждала,
что за моей суровой внешностью.
Скрывается ранимая душа.
Д.Савицкий.

Это было в Мурманске в середине 80х годов. Стояла лютая зима. Было утро. Я ехал в институт. Шутка. Насчет зимы. Просто так обычно начинаются посредственные романы, а мне захотелось пошутить. На самом деле зима не была лютой. Она в Мурманске не может такой являться по определению. Гольфстрим, на радость местных жителей и Российской государственности – течение теплое. Оно заглядывает в Кольский залив и не дает зиме лютовать, параллельно не позволяя замерзнуть ни заливу, ни присутствующему на его берегах городу-герою.

Лютым, сука, был я, когда приходилось ни свет, ни заря, тфу, какая свет и заря: полярная ночь зимой в Мурманске! Так вот: приходилось тащиться в Мурманский педагогический институт, где я, уже, как несколько лет был заявлен в качестве студента исторического факультета.

Одна из моих многочисленных бед заключается в том, что я – 100 % «сова». Утро – не мое. Для меня сползти с кровати в 7.30 утра – это, как для дедушки Гитлера было разгрысть ампулу с цианидом: не хочется, сука, а надо! Но Адольфу Аллоизовичу Шикльгрубелю довелось, на жаль, проделать эту операцию один раз в жизни, сволочь австрийская, а мне, честному русаку, отец которого со своей «сорокопяткой» Кенигсберк брал, пришлось половину жизни насиловать свою природу ранними пробуждениями.

Но делать было нечего. Надо было ехать учиться потому, что если не ехать – отчислят. А если отчислят – то забреют в армию! А там вообще подъем в 6.00.

На проспекте Ленина, а точнее на остановке «три ступеньки», в районе которой и был расквартирован мой институт, я покинул недружелюбный троллейбус.

До начала учебного процесса оставалось 15 минут, до здания института – 200 метров. Я остановился и закурил. Вдруг голос:

– Савицкий, Савицкий, это ты?

И так, как это была моя фамилия – я оглянулся. В стороне у большого снежного сугроба стоял человек. Он делал мне таинственные знаки и подзывающе жестикулировал. Я стал подходить ближе.

Это был Лысков!

– Савицкий, Савицкий, помоги, – затравленно косясь по сторонам, чревовещал он, – Один я ее не дотащу.

И, уже, предчувствуя, что-то нехорошее, я приблизился и заглянул за Лыскова.

Здесь надо сказать, что Лысков, молодой на тот момент человек одного, примерно, со мной возраста не принадлежал к числу моих друзей, равно, как и не был моим ни однокашником, ни однокурсником. Он вообще не понятно чем занимался. Но, как-то странно он довольно часто и неожиданно выплывал по курсу моей жизни и также резко и часто из нее исчезал.

– Лысков, блин, твою ж дивизию, – только и сумел промолвить я, когда увидел за его спиной, лежащее в сугробе тело. Это была женщина или девушка. Длинные волосы, которые закрывали ей лицо, были тому подтверждением. Она полулежала, полусидела в снегу, уронив голову себе на грудь. Как видно, она только что проблевалась, на что указывали недвухмысленные следы по всей длине ее красной болоньевой куртки, которые, видимо, еще недавно составляли содержимое ее желудка. Джинсовая юбка ее была задрана. Рваные колготки и какие-то несезонные босоножки венчали композицию. Она была смертельно пьяна.

– Лысков, блин, твою ж мать, – протянул я и оглянулся.

Очкастые студентки, доценты, кандидаты наук и профессора с интересом косились на нашу тройку и спешили в институт к первой »паре«.

– Твою мать, Лысков!

– Димон, Димон, – нудил Лысков, – Помоги, один я ее не дотащу.

Делать было нечего. Мы с трудом оторвали безжизненное тело заблеванной проститутки от сугроба.

– Куда? – спросил я.

–Туда, – кивнул Лысков, – вон в ту пятиэтажку, кажется, она живет там.

Я посмотрел по указанному направлению. Да, пятиэтажка – не далеко: каких-то 200 метров по заснеженной асфальтовой дорожке в конце ее, справа. А в конце ее, слева – мой, заметьте педагогический институт!

– Блин, Лысков! – повторил я.

– Потасили, потасили, – хлопотливо забубнил Лысков.

Мы закинули ее руки себе на плечи и обхватили ее за талию. Вообще так, как и всегда двое тащат безжизненное тело третьего.

Лысков был прав: один бы ее он не дотащил.

Ее тело было страшно тяжелым (и в дальнейшей жизни я часто удивлялся, почему это обмякшие, в »отключке« тела, такие неподъемные). Облеванная болоньевая куртка ее скользила в наших руках, постоянно задираясь, неприлично открывая голую спину. Когда же мы попробывали уцепить ее за юбку, то та тоже задралась, и стало совсем нехорошо. Тем не менее, мы потасили ее с полсотни шагов, но, в итоге, совершенно выбились из сил. Красная девица совсем не помогала нам. Ее ноги безжизненно тащились по снегу, оставляя две лыжных борозды. Еще очень мешал мой »дипломат« с книгами, конспектами и прочей студенческой дичью и гилью.

На минуту мы остановились. Я посмотрел на Лыскова. Он тяжело дышал, но вдруг в его рыскающих глазах промелькнула мысль:

– Ирка, Ирка, медак едет, медак, – горячо зашептал он ей в самое ухо.

Я испуганно оглянулся, но автомобиля внешне похожего на хлебный фургон, но имеющего вместо окон решетки и развозящего не хлеб, а алкоголиков в медвытрезвитель, не заметил.

– Блин, Лысков, напугал, – набросился я на напарника.

– Ирка, медак едет, медак! – продолжил Лысков, и, о чудо, алилуя! Ириша (так, оказалось, звали нашу подопечную) резко выпрямилась, немного прогнувшись назад, и сделала несколько решительных и даже излишне твердых шагов вперед.

Лысков был гений! Мы радостно подхватили ее и, таким образом, значительно ускорились по пути к заветной пятиэтажке. Но еехватило на десяток шагов, и она опять обмякла, повиснув у нас на руках.

Но Лысков уже знал, что делать:

– Ирка, медак едет, медак!

Заклинение действовало! Ирише становилось лучше и, тем самым, поймав спасительный алгоритм передвижения, мы скачкообразно, но неуклонно стали продвигаться вперед.

Мне же пришлось несть свой крест до конца!

В одном с нами направлении и перегоняя нас, торопилась на занятия бодрая вереница институтских знакомых. Некоторые здоровались. Я видел, что многим было очень приятно наблюдать Дмитрия Савицкого – известного в институте человека, комсомольца, волокущего поутру пьяную, заблеванную блядину, на пару с подозрительного вида незнакомцем.

Обогнал нашу, даже трудно выразить, какую »троицу«, совсем старенький, но всегда быстрый, как ртуть профессор Ушаков. Он скопил на нас свой единственный глаз. Другой был утерян на полях сражений 2-ой мировой, где-то в междуречьи Вислы и Одера.

Доцент Атласов, еще молодой, весьма импозантный мужчина, охочий до студенточек, даже слегка притормозил свой бег к институту, удивленно осмотрел нас, особенно Иришу, подмигнул мне и умчался вперед.

Были и другие и, естественно, встреча с нами была для всех ярчайшим впечатлением того зимнего утра.

Надо сказать, что наряд Ириши, в результате нашего с Лысковым, так сказать, »рукоприкладства« превратился уже в совершенное непотребство: рукава ее куртки оторвались и держались только благодаря ее рукам. Юбка уже не выполняла свою функцию »прикрытия« основных женских прекрас и присутствовала, где-то на поясе. Колготки – напротив: постоянно сползали вниз, и бесцеремонный Лысков грубой пятерней своей возвращал их на свое законное место. Вообще картина, как говорится, была »маслом«!

Мозг мой в те минуты почему-то работал с утроенной силой. Видимо – адреналин. Это, как у парашутиста, у которого парашут не раскрылся. И между не раскрытием основного и раскрытием запасного – вся жизнь промелькнет, как говорят, перед глазами. Положение-то, если серьезно, было довольно диковатым. Не стандартным оно было во всяком случае.

«Вот», – лихорадочно думалось мне, – «нам, комсомольцам, всегда выпадают самые трудные участки. Судьба! Вся история комсомола наполнена подвигом рядовых членов. Павка Корчагин, шатаясь от тифа, героически прокладывает »узкоколейку«. Зоя Космодевьянская – »фрицов« в хате поджигала. И мы с Лысковым не ищем легких путей: бабу пьяную поутру тащим домой! Просто время у нас другое. Нет ни голода, ни войны. А надо будет – сработаем не хуже Павки и Зои».

Такие или примерно такие полушизофренические мысли лезли мне тогда в голову. Момент »аморалки«, который и без того висел надо мной в институте, казался делом решенным.

– Лысков, блин, скотина, Лысков! – повторял я про себя и вслух.

Но конец, который бывает всему, пришел!

Мы ввалились в первый попавшийся подъезд проклятой пятиэтажки и из последних сил затащили девушку в пространство между этажами. Что делать дальше мы не знали, и она лежала ничком возле батареи, а ноги ее в летних босоножках упирались в мусорный бак. Но она улыбалась в пьяном сне: ей было хорошо.

А мы с Лысковым стояли над ней, широко расставив ноги, истекая от усталости потом, с красными лицами, тяжело и прерывисто дыша.

Таковыми нас и застал наряд милиции, который уже поднимался по лестнице.

– Доброе утро! – громко и почему-то радостно возвестил белобрысый сержант.

– Доброе, – поздоровался я и посмотрел на Лыскова.

П.С. Менты оказались людьми, на удивление, тонко понимающими жизнь:

На меня посмотрели... и отпустили сразу.

Лыскова отпустили позже, т.е. сразу по предъявлению им документов, удостоверяющих его »мутную« личность.

А Иришу, таки, забрали в »медак«!

Конец.

Лизанька

Мне часто бывает печально.
Порою я смысла не вижу:
Ни в том, что я в жизни люблю,
Ни в том, что я в ней ненавижу.
Д.Савицкий.

В детстве, лет десяти, я и мой сосед с 8-го этажа Симка Брызгалов дружили с двумя девочками, сестрами, одного с нами возраста, живущими в соседнем подъезде: Наташкой и Лизанькой. Мы, даже немного, по-детски, ухаживали за ними и мальчишки на улице, наверное, в тайне завидуя нам, дразнили, как и всегда дразнят в таких случаях: »вот женихи и невесты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.